

Jean-Luc Godard par Jean-Luc Godard

СРЕДА

Экран и сцена - 1992 - 6-13 апрель (№6) - с. 16

9 февраля в столичном кинотеатре «Эспас-Мир» начнется ретроспективный показ фильмов режиссера Жана-Люка Годара, метра кинематографа «Новой волны». В программу вошло пятнадцать картин, среди них — «Мужское и женское», «Страсть», «Детектив», «Безумный Пьеро», «На последнем дыхании», «Имя Кармен» и другие. Их можно будет увидеть также в Доме кинематографистов и Киноцентре (здесь будет показана последняя лента Годара «Германия — девять ноль»).

Ретроспектива организована министерством иностранных дел Франции

и, начавшись в Москве, пройдет во многих городах бывшего Союза.

Предполагается, что событие это станет для наших любителей кино радостным вдвойне. Дело в том, что в Москву обещал приехать сам метр — Жан-Люк Годар. Правда, говорят, что великий режиссер любит менять свои планы в самый последний момент. Все равно — Москва ждет Годара.

Ильдар ЖАНДАРЕВ.

Р. С. Ждет его и редакция «ЭС», однако интервью с ним запаслась еще во Франции.

ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ НОВОСЛОБОДСКОЙ, 73

МЫ ЕХАЛИ В МАШИНЕ И «ЖЕВАЛИ РОЗЫ» — так предложил Годар

Н. М. Гм!

Годар. Да что вы! Это же как будто жуеете розу.

Мадлен. Что?

Годар. (очень медленно). Есть роза. Роскошная, распутившаяся. Свежая, с запахом. Какой запах! Он обволакивает. Сбивает с ног. Роза тянется к рукам. Вы срываете. Подносите к лицу. Лицо погружается в лепестки. Впиваетесь зубами. Хруст!

Мадлен. О, господи! Годар!

Годар. Да? Разве плохо? Да... (хохочет). Какая и в самом деле пошлость вышла. Надо же, роза и такая при этом пошлятина!

Н. М. А почему вы не живете в Париже?

Годар. Люблю Швейцарию. Раньше жил в Париже, потом в Гренобле.

Н. М. Вы часто работали с Франсуа Трюффо?

Годар. Да. Спросили как-то в одном из интервью, не слишком ли у меня там, где речь идет о Нем и о Ней, много схожего с Трюффо. В то время как я режиссер совсем иного склада. Я ответил, что отношения между Ней и Ним вообще вещь схожая. Всегда, везде. Одна только Шехерезада сколько таких историй понарасказывала... И потом Трюффо никогда не использовал в своих фильмах ничего личного, а я всегда думал про каждую героиню: «Что-то у меня с этой женщиной было!»

Мадлен. Франсуа однажды рассказал в «Карманных деньгах» мою историю. Там есть такая крохотная героиня. Когда ее родители уходили из дома, она горько плакала и кричала так, что окружающим приходило в голову, будто родители ее бросили. Это я так плакала в детстве.

Годар. Еще кто-нибудь хочет вина? Хочет «розы»?

Мадлен. Погода портится.

Годар. Светский разговор. Ты помнишь, где меня высадить?

Мадлен. Помню, помню...

Годар. У меня когда-то была крупная ссора с Трюффо. Знаете, между режиссерами «Новой волны» было принято такое выражение: «часть айсберга, погруженная в воду». Это нечто личное, интимное, что было между нами и нашими женщинами. Мы не рассказывали друг другу ничего, но в своих картинах почти обязательно изображали при помощи чувств и поведения актеров наши собственные чувства и поведение. То было классическое правило «волны». Это называлось «ожизнь — как экран». Так вот однажды (как откровенно неумно!) я уличил Франсуа в том, что в «Американской ночи» он скрыл от зрительских глаз свою связь с Жаклин Биссе. Трюффо прислал мне оскорбительное письмо. Между тем я только хотел сказать ему, что он нарушил правило.

Риветт свой первый опус в «Кайе» назвал: «Мы потеряли невинность». Я бы и сейчас повторил это с удовольствием. Только с другой интонацией. Тогда она была задорная, сейчас — грустная.

Н. М. Я видела вас неделю назад на телеэкране. Вы рассказывали о «Германии — девять ноль». Мне картина показалась странной.

Годар. Да? «Германия — девять ноль». Не Германия-90, а именно зéro neuf. То есть новая страна, начинающая с нуля. Так, что ли, я говорил?

Н. М. Да.

Годар. Странная картина? По-моему, совершенно годаровская. Совершенно. Пейте. Жуйте розу. Пленка кончилась.

Эту фразу я воспроизвела уже по памяти. Пленка и вправду кончилась.

Дальше до самой Ниццы мы ехали молча. Ехали и «жевали розы».

Беседу вела
Натэла МЕСХИ.

С мадам Мадлен Моргенстерн мы ехали из Парижа в Ниццу. Ехали на ее машине. Понедельник, голубонебесным ноябрьским утром. На бензоколонке в скольких-то километрах от Ниццы решили заправиться. Там уже стояла большая красная машина с багажником нараспашку. Ее владелец по пояс ушел в нутро лимузина и говорил что-то оттуда чернокожему парню. То ли хозяину колонки, то ли работнику. Парень, склонившись, слушал и кивал головой.

Спутница моя, Мадлен Моргенстерн, сперва посмотрела на ноги владельца машины, затем на небо, затем на часы, вышла из автомобиля и коротко вдруг произнесла: «О-о!» Услышав шум: хлопанье дверей и Мадлену «О-о!», человек явился из багажника в полный рост. В первую минуту я его, конечно, не узнала, а во вторую поняла, что в истории, которая, кажется, сейчас начнется, мы с чернокожим парнем — персонажи самые незначительные. Ибо красивая синеглазая Мадлен — это единственная жена великого Франсуа Трюффо, а человек из машины, просто-таки Бог из машины — великий Жан-Люк Годар!

«Вот так, — подумала я, — едешь из Парижа в Ниццу с женой Трюффо. На бензоколонке встречаешь Годара. Славная история для московских друзей. Они сразу же, впрочем, спросят: «А о чем ты с ним говорила?». А о чем можно говорить с человеком, который сел со мной на заднее сиденье и раздраженно вытирает руки после неудачной схватки с мотогором. Я просто включила диктофон. Для истории.

У человека оказался с собой рюкзачок, в нем что-то плюс бутылка розового десертного вина. И уже спустя время я вспомнила, что даже не спросила его, зачем он едет в Ниццу и что станет с его красной машиной, оставленной на бензоколонке.

Годар. Это внутренности машины. Какие-то жуткие, пугающие сочетания, сотни деталей. Страшный механизм. Любая деталь может стать поводом к тысяче неприятностей. Странный механизм, смутный, как океан. Б-р-р! Даже холодно.

Н. М. С кино все обстоит проще! «Снимать» не холодно!

Годар. О нет. Это скорее схоже с тем, когда сидишь в машине и едешь. И мелькают за окном кадры, кадры, кадры. Лица, леса, лица. Мадлен, а мы правильно сделали, что не свернули сейчас?

Мадлен. Ты и дороги не помнишь!

Годар. Помню, надо было, по-моему, свернуть. (Минуты две — пауза).

Н. М. Жан-Люк Годар — серьезный человек!

Годар. Пунктуальный, очень пунктуальный.

Мадлен. Натэла стажировалась в «Кайе дю синема», Годар!

Годар. О давайте поговорим о молодых. Куда более полезное занятие, чем наблюдать за пылью, скользящей между солнечными лучами. Пылью ушедших лет. Вы когда-нибудь наблюдали, как солнечные лучи проскальзывают через пылинки, кружащиеся в воздухе?

Мадлен. О!

Годар. Она знает все мои монологи, ей скучно. А вы видели? Беспольное занятие, но красиво!

Н. М. Вы писали в «Кайе». Надо же, мы коллеги с великим Годаром. Чуть-чуть. Здорово!

Годар. Да, коллеги!

Мадлен. Кто привел тебя в «Кайе»?

Годар. Франсуа. Трюффо меня привел в «Кайе». И еще я попал туда благодаря кино клубу Латинского квартала.

Н. М. А что, все французское кино вышло из «Кайе»?

Годар. «Новая волна». Это точно. Вы не знаете, наверно, кто тогда писал. Не можете помнить ни Фрезшеля, ни Ромэра, ни Риветта.

Н. М. Как вы относитесь к критике, в журналистике?

Годар. Мы были самостоятельные. Но я писал с огромными мучениями. И та радость, с которой стави-

лась точка после последнего слова, сравнима разве что с физиологическим удовольствием.

Н. М. Когда вы ставите точку в ваших фильмах, ощущения те же?

Годар. Когда дописываю сценарий — те же. Может быть, те же. Я жду с нетерпением последнего абзаца, фразы, слова. Но это уже ощущения иные, почти что материнские. Те, что часто являются следствием любовного акта. За любовью следует ребенок. Это высокое творчество.

Мадлен. У человека может появиться закономерное подозрение, что французы не в меру эротичны. Во всем.

Годар. Да, а ты ей что-то уже рассказывала?

Мадлен. Ну были еще знакомства с Тешине, с Ас-сайасом!

Годар. Последние всплески «волны». Это еще наш менталитет. Наши ощущения от мира.

Н. М. Почему вы сказали «остатки»?

Годар. Ну не остатки. Что-то другое. «Новая волна» была как факт, как явление. Была и заканчивается, не как мода, но как эпоха. «Новая волна» теперь все больше история. Так о чем я «пел»? О материнстве. Представьте: ничего нет. Какие-то обрывки слов, фраз. То ли есть идея, то ли нет. Без последней точки не понятно. Один синтаксис. И вдруг: на тебе. Произведение! Сценарий!

Н. М. Но сценарий тоже, если позволите так выразиться, «писанина». А само кино, сама съемка! Какие приносит ощущения!

Годар. Кино — это вообще нечто, куда более чужеродное для автора, чем сценарий. Его не напишешь, его надо строить, выстраивать, менять. Оно иногда уходит далеко от написанного. А вообще, когда снимаешь кино, ощущения те же, что при прогулке. (Кому-то это я уже втолковывал из наших «коллег»). Прогулка со всеми ее «подробностями». С местом, по которому идешь, с терпением, которое надо испытывать к приятелям по прогулке или к встречным. Непонятно?

Н. М. Понятно. Просто думаю, что бы еще спросить Жана-Люка Годара.

Годар. Лучше расслабиться.

(Несколько минут опять полная тишина).

Годар. А почему вы все не пьете? Мадлен? Натэла?

Мадлен. Я за рулем.

Годар. А вам не нравится?

Главный редактор А. А. АВДЕЕНКО